

Елена
ЖДАНОВА
г. Иркутск

Мифопоэтика образа избы-матери в прозе Валентина Распутина

Валентин Распутин в своём очерке «Откуда Весть-пошли мои книги», размышляя о корнях литературного творчества, отмечает, что «...сосредоточенность писательского труда требует сосредоточенной жизни, и уверен: писатель начинается в детстве от впечатлений, которыми напитывается именно тогда. Он может затем долго не знать себя как писателя, а может быть, и никогда не узнать, однако душа засеяна, вздобрена, и она при направленном обращении к ней в любой момент способна дать урожай». Отметим, что из всех детских впечатлений, которыми была засеяна его душа, Валентин Распутин важнейшими для себя считает образы Ангары, семьи и родного языка: «...Первые мои впечатления связаны с Ангарой, потом с матерью и бабушкой. Я понимаю, что должно быть наоборот, ведь не Ангара же вспоила меня грудным молоком, но, сколько ни веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу. Вероятно, присутствие матери было настолько естественным и необходимым, сращенность была настолько полной, что я не отделял себя от неё...» Авторское самосознание В. Г. Распутина изначально слито с образом матери в единое целое, и это проявилось в способе отображения писателем действительности, в первую очередь, на формировании архетипического образа избы в его поэтике.

А. Н. Афанасьев в трудах «Поэтические воззрения славян» отмечал, что вследствие естественных усло-

вий, определивших первоначальное развитие славян, их жизнь проходила в кругу родной семьи и рода. В их представлениях изба является сакральным местом, в котором до славян жили их предки, а после них продолжают жить их потомки.

В образной системе В. Г. Распутина нашли своё отражение глубоко народные представления о мироустройстве, в которых одно из первых мест принадлежит образу избы-кормилицы.

Центральный образ избы, сравниваемый со старухой, появился у В. Г. Распутина уже в ранней публицистике. В «Советской молодежи» за 1960 год в двести двадцать первом номере под псевдонимом В. Каирский Распутин публикует статью «Крутые перекаты», в которой встречается характерное для его авторского стиля описание посёлка: «Было на всю МТС восемь домиков. Не домики, а халупы – поприличней названия им никак нельзя было дать. Сморщились они, как столетние старухи, почернели от солнца, будто от загара, погрузнели от старости». Статья посвящена проблеме с жильём в рабочем посёлке, которая успешно решается директором МТС Ефимом Денисовичем Провкиным, который начинает строительство новых домов для рабочих. Все рабочие посёлка довольны, кроме бабки Муканихи, которая отказывается покидать свою избу, желая умереть в своём доме. В статье, помимо журналистского отчёта о строительстве нового

жилья, присутствует потенциальный сюжет, свойственный поэтике будущего писателя, так как здесь образ избы персонифицирован образом столетней старухи. Описание домиков в старом посёлке дано через их полное уподобление человеку со всеми неотъемлемыми для трудной и долгой жизни качествами – домики сморщились, почернели и погрузнели. Обновление посёлка подчёркивает несходство между старой и набирающей силу новой жизнью, вынужденное соседство которых только подчёркивает их различия между собой: «К ней несколько раз ходил Ефим Денисович, много раз ходили рабочие, уговаривал её и сын Алексей, справивший новоселье, но бабка Муканиха была неумолима. Так и стоит теперь её низенький старенький домик рядом с новым, отчего кажется ещё ниже и старее». Зачин для полноценной повести остался как зарисовка, которая стилистически выбивается из общего тона журнальной статьи из-за своей недосказанности и свёрнутого конфликта.

В 1970 году в журнале «Наш современник» Валентин Распутин публикует повесть «Последний срок», в которой со всей силой художественного мастерства воплощает образ избы, связанный с образом матери.

Изба сделана из тёплого живого дерева, согрета трудами человеческих рук, она живёт, чувствует, дышит, имеет свой голос, который выражается во вздохах, стогах и скрипах, которые звучат в унисон движениям и мыслям старухи как невнятный неразборчивый шёпот. Дышащая согласно с дремлющей землёй, изба в ночи помогает старухе слышать и чувствовать себя. Освещённая светом звёзд, изба выводит старуху за пределы собственной плоти. Изображая избы в закатном солнце, Распутин подчёркивает, что всё в избе чутко повторяло мать, из-за чего старухиным детям нужно было осторожно ступать по полу, чтобы не причинить боль матери. Вместе со старухой в избе всё заговаривало и умолкало, вместе с ней настойчиво и горделиво вглядывалось и отзывалось тихим вниманием, воздух в избе был таким же, как в детстве, из него, как из старухи, всё больше уходила сила. Всё, что дети произносили в избе, удерживалось в её стенах и углах. Изба в повести описывается как тело матери.

Изба сделана из дерева, поэтому одним из образных подуровней текста является метафора дерева как образа человека, являющегося составляющей частью образа избы-матери. Т. А. Агапкина в статье «Дерево и человек: одна судьба на двоих» отмечает устойчивый изоморфизм дерева и человека, повлиявший на формирование огромного количества языковых фактов и верований, отражающих родственную связь дерева и человека в народ-

ном сознании. Человек, как и дерево, имеет своё место в истории рода, окружающая человека жизнь питает его своей животворящей прапамятью так же, как бегущие соки питают дерево.

Образ человека, глубоко ощущающего свою связь с природой, выраженный через метафору человек-дерево, появляется в рассказе 1963 года «Человек с этого света». «В её представлении год – это замкнутый круг, в котором левая нижняя часть занята зимой, а левая верхняя – весной. Дальше, как и следует по порядку, идут лето и осень. Вот так и кружатся годы над человеком с их ветрами, снегами, дождями, накладывая на него, как на дерево, с каждым кругом своё кольцо. Только у человека, как ей казалось, эти кольца не расширяются, а сужаются. Они становятся всё меньше и меньше, пока не кончается нить, и тогда, как затянутая петля, в самом их центре получается только точка».

Позже в повести «Прощание с Матёрой» этот образ повторится в описании размышлений старухи Дарьи: «Человек приходит в мир и, пожив, устав от жизни, как теперь она, Дарья, а когда и не устав, неминуемо уходит обратно. Вон сколько их было, прежде чем дошло до нее, и сколько будет после нее! Она находится сейчас на самом сгибе: одна половина есть и будет, другая была, но вот-вот продернется вниз, а на сгиб встанет новое кольцо. Где же их больше – впереди или позади?»

Т. А. Агапкина отмечает, что фольклор зафиксировал то, что дерево в народном сознании является носителем таких этических категорий, как совесть.

В прозе В. Г. Распутина метафора «человек-дерево» раскрывается через описание его родственных связей с предками, которые встраивают человека в вековечный круг жизни так же, как наружный слой древесины при росте дерева прибавляется годовыми кольцами. Жизненный уклад уподобляется растущему в лесу дереву, которое весь свой век остаётся на месте.

Старуха Анна в «Последнем сроке» сохраняет свой жизненный уклад таким же вековечным, как вековечно растущее в лесу дерево. «А старуха жила нехитро: рожала, работала, ненадолго падала перед новым днём в постель, снова вскакивала, старела – и всё это там же, где родилась, никуда не отлучаясь, как дерево в лесу, и справляя те же человеческие надобности, как и её мать». Укоренённая на родной земле, старуха твёрдо знала, что она дочь своей матери и мать своих детей, она чувствовала, что её место на этом свете предопределено родом.

Научно-техническая революция нарушает вековой уклад деревни, живущей по законам единства природы и человека, и лишает её естественного разви-

тия, сопряжённого с природными циклами, что приводит к утрате традиций и разрыву родственных связей. Как отмечает Т. А. Агапкина, в народных представлениях бытует поверие, что срубить дерево равнозначно тому, чтобы отнять у человека жизнь, и приводит в пример фольклор белорусов Витебщины, которые верили, что в новом доме непременно должен кто-нибудь умереть, так как смерть расценивается как возмездие за прекращение жизни тех деревьев, которые пошли на постройку дома.

Парадоксальным образом эта ментальность отражена в распутинских текстах, где описана смерть сына старухи Дарьи Семёна, которого зашибла лесина, и смерть младенчика старухи Анны, который среди ночи умер без видимой причины на руках у матери. В раннем рассказе «Я забыл у Алёшки» также описывается мучительная смерть семнадцатилетнего мальчишки, только что окончившего школу и приехавшего в Сибирь строить коммунизм, зашибленного лесиной. Бытовая смерть вписана в мифологический контекст народных верований и становится сквозным мотивом в поэтике Распутина.

Нарушенный жизненный уклад Матёры находит отражение в сравнении деревни с подрубленным деревом: «...повяла деревня, видно, что повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода».

Синтез метафоры человека-дерева с образом избы-матери даёт эмпирическую полноту раскрытия данного образа в творчестве Валентина Распутина. Неподготовленность и неприспособленность к ожидающим Матёру переменам передают стонущие по всей деревне избы. Они чувствуют нарушенный вековой уклад деревни: каждая изба охает своим голосом, протяжно, терпеливо вздыхая, избы ведают про свою смерть, по их стенам текут токи, и они смиренно стоят в общем ряду улиц, ожидая конечного дня, когда их плоть отдаст огню силой изъятое накопленное в их телах тепло и солнце. Вся деревня по ночам курится износным и горьким запахом конечной судьбы.

Прощание с избами у матёринцев проходит по-разному.

Настасья в последний раз протапливает русскую печь и оставляет на окнах занавески, чтобы изба не выглядела пустой и разорённой, так как с голыми окнами изба совсем бы остыдила. Перед окончательным отъездом Настасья полностью потерялась и, ничего не помня, не сделала положенного в таких случаях действия.

Избу Катерины спалил ночью Петруха. Изба всем телом почувствовала первую вспышку от спички Петрухи, натянулась и, скрипнув болью, осела. Её сухое замёрзшее дерево замерло перед огнём, и, пос-

ле того как, накаляясь, лопнуло и пролилось окно, изба сгорела без страдания. Каждый житель Матёры на пожаре почувствовал от содеянного Петрухой стыд, от которого легче было освободиться в одиночестве. Вековечные связи окончательно разрушены. Порядок Матёры начал рушиться с избы Катерины.

После избы Катерины стали поджигать и другие избы. Уцелевшие, расцепленные между собой, избёнки от страха вжались в землю и постарели.

Вся жизнь старухи Дарьи прошла в кругу семьи и рода, вся её родова захоронена на Матёре. Она доглядывает за могилами, восстанавливая на кладбище рвущуюся с предками связь, дотягиваясь до них своим горьким вешим словом, на которое они отзываются, давая Дарье родительские наставления о том, как поступать в том или ином случае. Получив от родителей наказ перед сожжением прибраться избу, чтобы достойно её проводить, Дарья со своим справедливым и строгим характером выполняет последний долг.

Матёра-мать смотрит в небо человеческими глазами, которые она поднимает на солнышко, а старухи, дочери своих родителей, так же являются и дочерями своей земли, хранительницами рода. Изба-мать требует от своих дочерей и сынов отдать ей последний долг памяти для того, чтобы не оставить весь род без надежды на будущее, который прежде проживал в этой избе.

Избу невозможно покинуть, как невозможно покинуть больную мать. В позднем рассказе В. Г. Распутина «Изба» (1999 г.) старуха Агафья перевозит свою избу на новое место поселения, которое ей определили перед затоплением деревни Криволицкой, и сама её собирает, восстанавливая своими руками разрушенный вековой уклад деревни.

Накануне затопления в Криволицкой начали проводить медосмотры, и старуха Агафья была выявлена как больная, отправлена в больницу, где вынужденно провела всё лето. Пока старая деревня переезжала на новое место, расстраиваясь в одном ряду своей улицей, Агафья пролежала всё это время на больничной кровати, где ей приснился сон, будто её изба стала её хорминой. Ей в подробностях приснилось, что мужики вырыли под избу огромную яму, которой в итоге оказалось недостаточно, из-за чего крыша от конька до половины ската очутилась на поверхности. Старуха Агафья и во сне понимает, что труба должна находиться под небом, так как на том свете Агафья тоже будет топить русскую печь.

В конце августа, на излёте лета, Агафью выписали из больницы, и старуха запоздало повезла разобранную избу на новое место на точно таких же

тракторных санях, которые ей снились в больнице. Из-за потерянного времени она отделилась от своей деревни и поселилась на улице, где собрались такие же, как она, отделенцы, по разным причинам не попавшие на улицы, где раскинулись их деревни. Посмотрев, что каждый занят своим строительством, и понимая, что переезжать деревней всё равно что гореть без огня, старуха Агафья берётся за свою избу сама. Сначала собирает мох, потом просит Савелия помочь ей положить основание сруба, а после по брёвнышку собирает стены, дверной проём и потолок, напоследок складывая самостоятельную печь. Во время стройки люди помогали Агафье кто советом, кто работой, а леспромхоз, услышав об отчаянной бабе, в одиночку собирающей избу, доставляет ей без очереди кирпич.

Распутин показывает, как разрушенная нездоровьем и переездом Агафья, по бревнышку собирая избу, восстанавливает себя. Сложив избу, старуха Агафья прожила ещё двадцать лет. Образ разобранной избы включён в разрушенный миропорядок, который поэтапно восстанавливает своими руками Агафья – каждый раз, когда она укладывает на своё законное место очередное бревно. Изба является живым воплощением Агафьи.

Одним из ключевых образов, связанных с избы-матерью, в творчестве Валентина Распутина является камин. Тепло каминного огня у него ассоциируется с воспоминаниями о детстве: «...за прялками, за вязанием, за починкой под треск того же камина любили рассказывать былички, всякие страшные истории с домовыми, лешими, водяными. Послушаешь, все их видели, все водили с ними дружбу. Одна история была жутче другой. На подстеленной на полу соломе в углу вздрагивал теленок, спасающийся от лютых морозов, сонно вскидывались и вскудахтывали в курятнике курицы, стреляло из камина, по стенам ходили огромные жуткие тени. Мы, ребятишки, сидели не шелохнувшись и потом по дороге домой жались к матерям и бабкам. Я так и уехал из деревни, не встретив ни домового, ни лешего, ни баннушки, ни русалки, но, когда писал «Прощание с Матерой», не мог обойтись без хозяйки острова. Это не дань язычеству, а дань поэзии, без которой не жил народ. Да и, признаться, я продолжаю верить, что, вопреки полной просвеченности мира, должны существовать следующие из глубокости древности земные наши хранители».

Воспоминания Валентина Распутина о своём детстве практически идентично повторяются в описании детства старухи Агафьи: «В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да «ужасти», которые напрашивались сами собой под деревенскую ворожбу каминного огня. Чего

только не придумывалось, чего не рассказывалось то затаенными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказываемых не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за «правдашние», такой жуткий накал, такая непереносимая страсть! «Вот воротился без памяти дядя Егор и лег... не верите мне, спросите у дяди Егора... вот лег он вдругорядь, и вдругорядь стук в окошко. «Выходи, дядя Егор!» – нечеловечьим голосом вызывают его. Он бы и рад не выдти, да как не выдешь! – в избе достанут, ребятишек до родимчика напужают. Перекрестил он детишек, а себя перекрестить забыл. Выходит. Выходит ни живой ни мертвый. Темень – глаз выколи! Чует: кто-то дышит над ухом. Вдруг ка-а-а-а!» – И тут из камина раздавался выстрел, пулей взлетал огнистый уголек и вырывался испуганный вскрик. И не раз вот так же от треска, от шорохов, от тяжких вздохов, от мертвенно искаженных заревом лиц сердце обрывалось в пропасть, но и оттуда просило: еще, еще! – чтоб уж ахнуть, так от макушки до пяток!»

Агафья, ещё не переехав, уже видит сон, который ей вещает, что она будет в своей избе-хоромине топить печь, поэтому, когда она собирает избу и складывает печь, первым делом, греясь её теплом, она сама для себя решает стать домовым.

«Ночью она лежала без сна, слушала, как кряхтят в углах набирающие тепло стены, как тяжело отдыхается после топки печь, вспоминала детские страхи от рассказов о леших и домовых и хозяйской, ничего не упускающей мыслью решила: «Ниче, я сама буду домовым «»».

Как отмечает А. Н. Афанасьев в статье «Религиозно-языческое значение избы славянина», изба у славян была местом, где находился единый для всех очаг, называемый пенатом, и стол, за которым все члены рода получали общий обед и ужин. Благодаря архитектурным особенностям строительства избы у славян называлась та тёплая часть жилища, где находился очаг. Разведённый в очаге огонь почитался как домашнее божество. А. Н. Афанасьев, давая филолого-археологический комментарий происхождению слова «изба», объясняет, что оно образовано от глагола «топить» и в названии закреплено то сакральное значение, которое славяне придавали очагу.

У В.Г.Распутина в рассказе «Изба» и в его воспоминаниях о детстве использовано диалектное слово камин, бытующее в Сибирском регионе. В двадцатом томе «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», составленном В.Г.Афанасьевой-Медведевой, объясняется, что

«камин» – это «печная ниша, пристройка с дымоходом в печь или трубу, в которой на рогатине укрепляли горящую лучину или жгли дрова для освещения». В словаре зафиксированы рассказы людей, проживающих на территории, где употребляется диалектное слово, и исполнитель Дора Николаевна Погодаева 1940 года рождения, проживающая в селе Усть-Вихорево Братского района Иркутской области, сообщает: «...я ишшо маленькая была, помню. Вот печка стоит железная, и у ей там сварена такая – камин назывался. Небольшой. И вот такие дровцы напилены туда ложат. И вот с этим камином сидели: пряли, вязали – всё делали. А свету-то не было... и вот труба же железна была. И вот этот камин где-то вот от печки, вот печка, тут труба идёт, и где-то вот на такое расстояние там камин был. И вот в этот камин-то, – я говорю, вот такие дровцы. И у этого камина все сидели, делали, пряли. Кто съёт, кто прядёт. Песни поют, ага. Песни пели, плясали. И потом уже сидят люди, там прядут, вяжут. Потом чай наставляют, налаживают на стол...»

Поскольку в деревнях не было электричества, камин был приспособлен для освещения помещения, у которого по вечерам собиралась вся деревня. Так как люди во время работы пели, плясали, рассказывали страшные истории, то с образом камина в прозе Распутина связано представление о творческом начале природы человека, поэтическом восприятии мира. В деревенской ворожке каминного огня живут домовые, храни-

тели рода. Мы видим, как в образе камина воплощается представление о преобразующих человека творческих силах, берущих своё начало в детстве.

Исконно русская идея, лежащая в основе религиозно-языческого бытового уклада деревни, находит у В. Г. Распутина своё воплощение: изба с печью/камином связывает между собой всех членов рода, идущих в одной связке со своим родом-племенем, а род определяет принадлежащее человеку место на земле. В мифологеме избы и ее важнейшей части – печи – осуществляется слияние образов матери и ребенка, а камин является олицетворением творческой стихии детства.

Рассмотрев генезис распутинского образа «избы-матери» в художественной системе сибирского прозаика, можно сделать выводы, что образ матери и ребёнка пронизывает все уровни мифопоэтики В.Г.Распутина. Взгляд ребёнка становится той нравственной точкой зрения, с позиций которой выступает автор. Развитие образа избы осуществляется в уникальной системе мира детства писателя, проявляющейся в повествовательной манере автора. Это определяет гуманистическую концепцию Валентина Распутина, который жалеет человека, потому что он «...родился ребяёнком и во всю жисть ребяёнком же и остался. И бесится, дурит – ребяёнок, и плачет – ребяёнок...»

□

Елена Васильевна ЖДАНОВА

родилась в 1982 году в пос. Арета Читинской обл.

В 2001 году окончила гуманитарный класс лицея ИГУ.

*В 2019 году окончила факультет
филологии и журналистики ИФИАМ.*

*В настоящее время принимает участие
в научно-исследовательском проекте*

*«Православные духовные писатели
Восточной Сибири XVII – начала XX века.*

Библиографический словарь».

В журнале «Север» публикуется впервые.

